

И.Н. Трепицын

**Переход права собственности
на движимые имущества
посредством передачи и
соглашения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
И11

И11 **И.Н. Трепицын**
Переход права собственности на движимые имущества посредством передачи
и соглашения / И.Н. Трепицын – М.: Книга по Требованию, 2015. – 248 с.

ISBN 978-5-458-66684-8

ISBN 978-5-458-66684-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наше время характеризуется, въ противоположность прежнимъ временамъ, между прочимъ, колоссальнымъ развитіемъ промышленности, торговли и вообще экономическаго оборота движимостей. Насколько онъ, этотъ оборотъ, громаденъ, видно хотя бы изъ того, что для юридической нормировки всей массы возникающихъ на этой почвѣ отношеній образовалась даже особая отрасль частнаго права, право торговое.

Благодаря господству раздѣленія труда, спекулятивному характеру торговаго оборота и вообще—сложности его, движимыя вещи большей частью не потребляются самимъ производителемъ, какъ это было въ отдаленныя патріархальныя времена, а долго еще обращаются на рынкѣ, переходя изъ собственности одного лица въ собственность другого, прежде чѣмъ попадутъ въ руки потребителя. Во время этого странствованія имущества постоянно подвергаются многочисленнымъ случайностямъ ухудшенія и даже гибели и становятся объектами разнообразнѣйшихъ юридическихъ сдѣлокъ и отношеній, которыми такъ богатъ современный гражданскій оборотъ.

Вотъ въ виду этой сложности экономической и юридической жизни и оказывается чрезвычайно важнымъ, чтобы въ законѣ было точно опредѣлено, силою какихъ именно юридическихъ дѣйствій, а значить—и въ какой именно мо-

ментъ, право собственности на данную вещь переходить отъ одного лица къ другому. Тогда только мы будемъ знать, на комъ должна концентрироваться вся та масса юридическихъ отношений, которыя имѣютъ своимъ объектомъ данное имущество.

Такое или иное разрѣшеніе нашего вопроса имѣетъ не только теоретическій, но и большой практическій интерес¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, переходъ имущества изъ собственности одного лица въ собственность другого далеко не всегда совершается моментально, передачей изъ рукъ въ руки, и вотъ представимъ себѣ, что какъ-разъ въ теченіе этого юридическаго процесса переусвоенія вещи, она погибаетъ. По общепринятому теперь правовоззрѣнію, рискъ гибели вещи лежитъ на собственникѣ: *casum sentit dominus, res perit domino*. Но кто же въ моментъ гибели вещи былъ ея собственникомъ? — Вопросъ слишкомъ интересный для обѣихъ сторонъ: — если пріобрѣтатель, то онъ обязанъ уплатить отчуждателю условленную цѣну полностью, не смотря на неполученіе вещи; — если же собственникомъ остается пока отчуждатель, то весь убытокъ падаетъ на него одного.

Затѣмъ также важно для каждаго, а для торговца въ особенности, знать, съ какого момента онъ можетъ распоряжаться пріобрѣтаемымъ имъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ, и съ какого момента онъ теряетъ это право по отношенію къ имуществу, имъ самимъ отчуждаемому: имѣя лишь обязательственное право на данное имущество, мы вступаемъ въ инныя сдѣлки относительно его, чѣмъ тогда, когда намъ принадлежитъ уже и право собственности, такъ какъ иначе въ длинной цѣпи сдѣлокъ, при неисполненіи или разрушеніи хотя бы одной изъ нихъ, можетъ воз-

¹⁾ Ср. *Huc*, Du transfert de la propriété en droit français, Recueil de l'académie de législation de Toulouse, t. XII, 1863, p. 255, 256.

никнуть для многихъ убыточное замѣшательство. Кромѣ того, здѣсь встаетъ передъ нами и грозный уголовный законъ, строго карающій за растрату чужаго имущества.

Далѣе представимъ себѣ случай, что та или другая вещь попала въ незаконное владѣніе третьяго лица. Виндигировать ее можетъ собственникъ. Но кому она въ данный моментъ принадлежить? — Опять отвѣтъ даетъ все то же учение о переходѣ права собственности.

Но и для лицъ постороннихъ, не участвующихъ въ отчужденіи и приобрѣтеніи даннаго имущества, вопросъ о моментѣ перехода права собственности на него также далеко не безразличенъ. Сюда относятся кредиторы контрагентовъ. Каждому извѣстно, до какихъ размѣровъ развился теперь кредитъ. Въ гражданскомъ оборотѣ къ нему прибѣгаютъ очень многіе, а въ торговомъ мірѣ нѣтъ человека, который не дѣлалъ бы долговъ. Но не всѣ желаютъ, и не всѣ могутъ ихъ уплачивать. Отсюда — слишкомъ часто повторяющееся въ судебной практикѣ явленіе: наложеніе взысканія на имущество должника. Но такъ какъ каждый отвѣчаетъ за свои долги только *своимъ* имуществомъ, то здѣсь опять, — имѣетъ ли мѣсто несостоятельность, или нѣтъ, — рѣшающее значеніе и важнѣйшая роль принадлежитъ вопросу: кто собственникъ даннаго имущества въ данный моментъ, именно: принадлежать ли уже должнику вещи, имъ купленные, но еще не полученные, или — потерялъ ли онъ уже право собственности на вещи, имъ проданныя, но еще покупщику не переданныя?

Такимъ образомъ здѣсь кругъ заинтересованныхъ лицъ гораздо шире, и потому значеніе нашего вопроса гораздо больше.

Что касается дѣйствующихъ на западѣ Европы законодательствъ, то тамъ, какъ извѣстно, нашъ вопросъ рѣшается слѣдующимъ образомъ: кодексы германскихъ наро-

довъ, для перехода права собственности, считаютъ, подобно римскому праву, необходимой *traditio*, передачу вещи во владѣніе пріобрѣтателя, а во Франціи, Италіи, Англіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ довольствуются однимъ заключеніемъ соотвѣтствующаго договора, однимъ соглашеніемъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь вопросъ рѣшается, — хорошо ли, дурно ли, — но во всякомъ случаѣ опредѣленно.

Мы же, русскіе, отнюдь не можемъ похвалиться столь важной опредѣленностью законовъ въ столь важномъ вопросѣ: 1 ч. X т. Св. Зак. прямого и яснаго отвѣта не даетъ; его приходится извлекать изъ косвенныхъ указаній нашего закона, но тутъ, — естественное дѣло, — возникаютъ разногласія и колебанія, и вотъ, одна часть русскихъ юристовъ держится римско-германской системы передачи, а другая, — также и судебная практика, — проводитъ систему соглашенія.

Но жизнь и интересы оборота настоятельно требуютъ устойчиваго и однообразнаго рѣшенія выдвигаемыхъ вопросовъ и задачъ. Въ виду изложеннаго, цѣлью моей работы¹⁾ и является посильное разъясненіе, прежде всего, нашего дѣйствующаго права. Для этого я, прежде всего, считаю необходимымъ примѣненіе *историческаго* и *систематическаго* методовъ толкованія, тогда какъ почти всѣ наши изслѣдователи избраннаго мною вопроса пользуются преимущественно *буквальнымъ* толкованіемъ отдѣльныхъ статей и выраженій нашихъ казуистическихъ законовъ.

Благодаря этому различію въ методахъ изслѣдованія, я льщу себя надеждой, что моя работа, не явится повторе-

¹⁾ Эта работа представляетъ изъ себя передѣлку и значительное допленіе моей статьи „*Traditio* или *nudum pactum*?“, напечатанной въ №№ 9 и 10 Журнала Министерства Юстиціи за 1901 г.

ніемъ уже сказаннаго другими¹⁾, а во 2-хъ, приведетъ, можетъ быть, и къ болѣе убѣдительнымъ результатамъ.

Скажу напередъ,—*de lege lata* я стою за систему *соглашенія*.

Но кромѣ уясненія дѣйствующаго права, намъ необходимо установить еще и тѣ нормы, которыя для насъ желательны въ будущемъ.—У насъ теперь идутъ работы по составленію новаго гражданскаго уложенія. Отсюда — вторая цѣль моей работы: рѣшеніе вопроса, какая изъ двухъ указанныхъ системъ должна быть принята въ наше будущее уложеніе.

Для этого я предпринимаю изслѣдованіе римскаго права, а также и важнѣйшихъ новыхъ законодательствъ Западной Европы.

При этомъ, съ одной стороны, я, исходя изъ принципа законмѣрности всѣхъ явленій, имѣю въ виду установить общій законъ эволюціи юридическихъ институтовъ и на этомъ *историческомъ* основаніи построить свои предложенія для нашего будущаго кодекса. Съ другой же стороны, я поставилъ себѣ задачей изучить обѣ системы въ ихъ примѣненіи прежде и теперь, въ ихъ зависимости отъ остальныхъ условій юридической жизни и такимъ образомъ получить достаточный матеріалъ для сравнительной оцѣнки обѣихъ системъ съ точки зрѣнія *цѣлесообразности*.

Въ результатѣ и *de lege ferenda* я становлюсь на сторону системы *соглашенія* и высказываюсь противъ нашего проекта, принявшаго въ книгѣ пятой («Обязательства», ст. 224) систему передачи.

¹⁾ Г. Змирловъ указывалъ уже на *историческій* методъ (Договоры купли-продажи, запродажи и поставки по нашимъ законамъ, Журн. гражд. и угол. пр., 1882 г., кн. 3, стр. 31, 32), но рѣшающая роль принадлежитъ не ему одному. Проф. Умовъ указалъ совершенно правильно на *систематическій* методъ (Дареніе, стр. 150), но недостаточно полно воспользовался имъ.

VIII

Основательно это или нѣтъ, но таково мое крайнее разумѣніе, и я считаю своимъ долгомъ представить свои соображенія на судъ научной критики, потому что долгъ каждаго русскаго юриста—по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать хотя и трудному, но за то великому и важному дѣлу созданія тагъ давно всей Россіей ожидаемаго гражданскаго уложенія.

И. Т.

Варшава, 19 февраля 1903 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Nihil commune habet proprietas cum possessione. Ulpianus ad edictum, l. 12 § 1 D. 41, 2.

Separata esse debet possessio a proprietate, l. 1 § 2 D. 43, 17.

Вопросъ о производномъ приобрѣтеніи права собственности на движимыя имущества стоитъ въ тѣсной связи съ ученіемъ о владѣніи и о договорахъ; поэтому здѣсь, во введеніи, необходимо установить, прежде всего, тѣ важнѣйшія идеи, которыя будутъ лежать въ основѣ моего разсмотрѣнія положительныхъ законодательствъ по всѣмъ этимъ вопросамъ.

И вотъ, для начала, я хочу въ общихъ чертахъ, — пока безъ дальнѣйшаго обоснованія, — обрисовать понятіе владѣнія и понятіе права собственности и затѣмъ — то соотношеніе, въ которомъ они между собою находятся, но соотношеніе это не въ томъ его видѣ, въ какомъ оно является въ положительныхъ законодательствахъ, вылившись въ тѣ или пныя формы подъ вліяніемъ соображеній пѣлесообразности и политики права, а въ его, такъ сказать, чистомъ и простѣйшемъ видѣ, въ которомъ оно представляется намъ теоретически въ логическомъ отвлеченіи.

Итакъ, владѣніе, въ простѣйшемъ смыслѣ слова, и если его не смѣшивать съ другими понятіями, должно-бы означать фактическое обладаніе, реальное господство надъ тѣлесной вещью. Такое владѣніе приобрѣтается съ приобрѣтеніемъ дѣйствительной власти надъ вещью и продолжается до тѣхъ поръ, пока или владѣлецъ не прекратитъ (или не лишится) своего

владѣльческаго отношенія къ вещи, или кто нибудь другой не подчинить ее своему господству и влiянiю. Эта фактическая власть не должна означать непременно физическаго прикосновенiя или физическаго держанiя вещи въ своихъ рукахъ: я владѣю не только тѣми вещами, которыя находятся въ моемъ карманѣ, и не только той квартирой, въ которой я живу, и той мебелью, которая въ ней находится, но также и тѣмъ сѣномъ, которое сложено у меня въ полѣ. Здѣсь разница можетъ быть только въ *прочности* владѣнiя: шoимъ сѣномъ *лучше* овладѣть кому-нибудь другому, чѣмъ, напр., книгами, находящимися у меня дома. Но тѣмъ не менѣе, пока такого овладѣнiя моей вещью нѣтъ, она безспорно подлежитъ моей власти, моему воздѣйствию и распоряженiю, а слѣдовательно находится въ моемъ владѣнiи. При этомъ надо замѣтить, что владѣть можно, или имѣя на то право, или-же и не имѣя никакого права, чисто фактически.

Теперь рассмотримъ понятiе права собственности. Это обширнѣйшее изъ вещныхъ правъ представляетъ намъ самое полное, въ предѣлахъ закона, юридическое господство надъ тѣлесными вещами. Именно, собственникъ имѣетъ право не только владѣть вещью, т. е. удерживать ее въ своемъ обладанiи, въ своей власти, но также право пользоваться ею, т. е. употреблять ее для удовлетворенiя своихъ потребностей и извлекать изъ нея плоды, и, наконецъ, — право распоряжаться вещью, т. е. отчуждать и даже уничтожить ее.

Нѣтъ необходимости, что-бы вся эта полнота правомочiй собственника всегда сосредоточивалась въ его собственномъ лицѣ; какъ владѣнiе, такъ и пользованiе могутъ быть уступаемы—и при томъ не только выѣстъ, но и порознь — другимъ лицамъ; только право распоряженiя составляетъ характерный и существенный признакъ права собственности; но и здѣсь, — кстати сказать, — возможны различныя ограниченiя, напр., запрещенiе отчужденiя, и все-же собственникъ остается собственникомъ, а его право, даже сведенное почти къ нулю, представляетъ изъ себя хоть и «голую» собственность — *nuda proprietas* — но все-же собственность, и, какъ только установленныя ограниченiя отпадутъ, прекратятся, право собственности, безъ особыхъ актовъ приобрѣтенiя, собственной силой, возстановится во всей своей полнотѣ.

Сказанное выше о владѣніи относится и сюда: можно обходиться съ вещью, какъ съ собственной, т. е. владѣть, пользоваться и распоряжаться ею, или имѣя на то право, дѣйствительно будучи собственникомъ, или-же и не имѣя на это права, чисто фактически.

Итакъ, соотношеніе между собственностью и владѣніемъ состоитъ въ слѣдующемъ: это—понятія совершенно различныя: собственникъ можетъ и не быть владѣльцемъ, и, съ другой стороны, отъ владѣнія еще очень далеко до собственности. Какъ самый фактъ владѣнія есть только одинъ изъ элементовъ собственническаго отношенія къ вещи, такъ и право владѣнія есть только одно изъ правомочій собственника; это — *часть* цѣлаго понятія права собственности, часть совершенно самостоятельная: кто имѣетъ право владѣть вещью, тотъ можетъ и не имѣть права ни пользоваться, ни распоряжаться ею, и наоборотъ: кто имѣетъ право собственности, тотъ можетъ и не имѣть права ни на владѣніе, ни на пользованіе вещью.

Эта-же самостоятельность должна имѣть мѣсто, — я это особенно подчеркиваю, — и при приобрѣтеніи владѣнія и права собственности; возможность приобрѣтенія владѣнія безъ права собственности разумѣется сама собою, но должно быть допускаемо и обратное: приобрѣтеніе права собственности безъ владѣнія, будетъ-ли то право на владѣніе, или-же самый фактъ владѣнія. Потребность въ такой раздѣльности можетъ возникнуть какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда или отчуждатель нуждается во владѣніи, или приобрѣтатель не хочетъ или не можетъ приобрѣсти его немедленно, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда отчуждатель самъ не имѣетъ владѣнія и потому можетъ передать лишь то, что у него есть, т. е. право собственности безъ владѣнія.

Но это, какъ мнѣ кажется, простое теоретически и цѣлесообразное, — какъ и надѣюсь доказать ниже, — практически, пониманіе владѣнія и его отношенія къ праву собственности, что касается положительныхъ законодательствъ, отнюдь не является общимъ, а принадлежитъ исключительно русскому праву. Все же другія законодательства, — и римское право, и кодексы новой Европы, — принимаютъ, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, иное понятіе владѣнія, устанавливая неразрывную связь между собственностью и владѣніемъ въ томъ смыслѣ, что допускаютъ производное приобрѣтеніе права собственности на дви-

жимыя вещи или, по примѣру римскаго права, только *посредствомъ* приобрѣтенія владѣнія (германское право), или всегда *вмѣстѣ* съ владѣніемъ: оно, безъ особаго акта приобрѣтенія, само собою слѣдуетъ за собственностью (французское право).

Вопросы эти имѣютъ свою обширную исторію, и вотъ теперь я хочу здѣсь дать ту историческую формулу, по которой совершалось развитіе вопроса о приобрѣтеніи права собственности на движимыя имущества и о той роли, которую при этомъ играло ученіе о владѣніи.

Такъ, въ древнемъ Римѣ собственность была связана съ владѣніемъ въ томъ отношеніи, что для производнаго приобрѣтенія права собственности (только эти случаи и относятся къ нашей темѣ) необходима была — сначала только для *res nec mancipi*, а потомъ и для всѣхъ вообще *res corporales* — передача, *traditio*, которая состояла именно въ приобрѣтеніи владѣнія, а послѣднее приобрѣталось въ періодъ до-классической не иначе, какъ поступленіемъ вещи въ реальное, дѣйствительное обладаніе приобрѣтателя. Затѣмъ, съ развитіемъ гражданскаго оборота, жизнь начала тяготиться требованіемъ передачи въ такомъ ея видѣ, и вотъ римскіе юристы классическаго періода изобрѣли идею представительства въ приобрѣтеніи владѣнія и ввели въ жизнь очень искусную юридическую фигуру, *constitutum possessorium*, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время понятіе владѣнія далеко не совпадало съ понятіемъ реального господства надъ вещью, при чемъ собственникъ всегда считался владѣльцемъ, такъ какъ лишь немногимъ детенторамъ было приписано владѣніе.

Этотъ *constitutum possessorium* былъ первымъ и важнѣйшимъ шагомъ по пути перерожденія системы *traditio* въ систему соглашения.

Въ средніе вѣка каноническое право начало все больше и больше защищать такъ называемыхъ въ римскомъ правѣ детенторовъ, а нѣмецкія законодательства новаго времени возвели всѣхъ ихъ въ рангъ владѣльцевъ, закончивъ такимъ образомъ процессъ, начавшійся еще въ древнемъ Римѣ. На ряду съ этимъ въ пандектномъ правѣ оставалось и прежнее римское правило, что собственникъ почти всегда владѣецъ, а германское право признаетъ это даже безъ исключеній. При такихъ условіяхъ оказывалось вполнѣ естественнымъ такое положеніе